

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Станислав Белковский

Директор Совета по национальной стратегии (2002–2004)

Интервьюер:

Иван Грек

Заместитель директора, Программа по изучению России, Университет Джорджа Вашингтона

Дата интервью:

16 декабря 2022 г.

Редакционное примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу srhinfo@smu.edu.

Цитата

Станислав Белковский, интервью Ивана Грека, 16 декабря 2022 г. Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается транскрипция]

ГРЕК: Мой первый вопрос к вам: когда Джордж Буш стал президентом в январе 2001 года, какой работой вы занимались и как перешли на свою должность?

БЕЛКОВСКИЙ: Я уже был политическим консультантом — то, что в Америке называется «spin doctor», и я возглавлял соответствующую частную структуру, принадлежавшую лично мне — впрочем, некоммерческую организацию, которая называлась «Национальный фонд политических технологий». Она примечательна была тем, что находилась в орбите влияния известного тогда бизнесмена и политика Бориса Березовского — в то время уже оппозиционного, но, безусловно, долгое время вхожего в Кремль и причастного к формированию нынешней российской власти во главе с Владимиром Путиным.

Я сам в формировании власти не участвовал, кроме, разве что, того, что принимал участие в разработке идеологии некоторых креативных решений для блока "Единство" на пару в преддверии парламентских выборов 1999 года. Тогда еще парламентские выборы были относительно свободными, поэтому политический консультант мог играть на них некую осязаемую роль.

ГРЕК: А расскажите чем вы занимаетесь сейчас?

БЕЛКОВСКИЙ: Сейчас я писатель. я пишу книжки и статьи и я нахожусь в медиа, ставлю всякие эксперименты в медиaprостранстве потому что я хочу создать некое такое сквозное медиа, выполняющее функции психотерапевта, то есть я сам как его, потому что передо мной не стоял вопрос как можно примирить и как можно соединить опыты, навыки практического психотерапевта с массовым тиражированием этих выборов — как можно тиражировать психотерапевта?

Когда психотерапевт ведет прием, он может принять, скажем, пять человек в день, но не больше. А вот как распространить психотерапевтический опыт, определенные умения, навыки и даже, дерзновенно скажу, способности, на миллионы людей, но пока не на сотни тысяч — вот я ставлю такой медиа эксперимент. В состав этого медиа эксперимента входит и Телеграм канал «Белковский», который, по случайному совпадению, назван моей фамилией, хотя делаю его не я, а искусственный интеллект. Это первый в русскоязычном медиапространстве Телеграм канал, который полностью делается искусственным интеллектком.

ГРЕК: Спасибо вот как раз вы сразу же познакомили нас с вашим методом. Как вы отнеслись к Владимиру Путину когда он пришёл к власти? Какими были ваши ожидания относительно того, как он собирался формировать внешнюю политику России в отношении США?

БЕЛКОВСКИЙ: Я считал, что Владимир Путин, безусловно, продолжатель дела Бориса Ельцина и выразитель воли семьи Бориса Ельцина, то есть конкретных физических лиц — Валентина Юмашева и Татьяны Дьяченко — которые поставили его на президентский пост, привели его к власти. В этом смысле, с одной стороны, его политика по отношению к США будет неконфронтационной — он будет развивать Россию как составную часть американоцентричного мира, такой, какой она и родилась, в том числе, благодаря стараниям его предшественника Бориса Ельцина на рубеже восьмидесятых-девяностых годов двадцатого века.

С другой стороны я понимал, что Владимир Путин, так или иначе, является выразителем энергии народного ressentimentа: он нужен, чтобы снять болевой шок

значительной части россиян от распада Советского Союза и тяжёлых девяностых годов двадцатого века.

Поэтому это был и априори шизофренический образ, который, знаете, как есть такой советский анекдот, как приходит Рабинович в регистратуру поликлиники и говорит:

- Простите, пожалуйста, я могу записаться к врачу ухо глазу?
- К какому какому?
- К ухо глазу.
- Такого врача нет, а что вас беспокоит?
- Видите ли, я вижу одно, а слышу другое.

Вот, Владимир Путин, так сказать, должен был проводить ельцинскую политику, но как будто бы под патриотическими, империалистическими, изоляционистскими лозунгами, чтобы подсластить пилюлю большинству российского народа. Так оно и было долгое время, и, просто, со временем маска приросла к лицу. И тут важно и еще вот какое обстоятельство, что на протяжении первого срока своего пребывания у власти с 2000, т.е. с января 2000 по весну 2004 года, Владимир Путин был не вполне самостоятелен в формировании этой как политики вообще так и внешней в особенности, потому что очень значительное влияние принадлежало семье Ельцина, уже упомянутым господину Юмашеву и госпоже Дьяченко, а также их креатурам — руководителю Администрации Президента Александру Волошину, премьер министру Михаилу Касьянову и тогдашнему министру иностранных дел Игорю Иванову.

Но в период с осени 2003 по весну 2004 Путин, фактически, отодвинул семью Ельцина от власти, убрав сначала Волошина, а потом Касьянова и Иванова и стал формировать разную политику, но, в том числе, и внешнюю, полностью самостоятельно, в результате чего российская международная политика оказалась во многом заложницей его психологии, его комплексов, проблем, глубинных приоритетов, в конце концов, его бессознательного. И, конечно, она не могла не меняться сообразно психологической проблематике Владимира Владимировича Путина, глубинам его души — те самые, в которые заглядывал Джордж Буш, насколько я помню, во время саммита в Словении в 2001 году в замке Бордо, если мне память не изменяет.

ГРЕК: Как вы относитесь и оцениваете эту встречу? Насколько она была важной и случилась ли между ними какая-то «химия», как говорят одни, или это была такая лёгкая профанация, как говорят другие? И, в принципе, как по-вашему, исходя из этой встречи, такого первого их полноценного столкновения, кем стал Буш для Путина?

БЕЛКОВСКИЙ: Я думаю, что психологически Джордж Буш повел себя совершенно правильно. Я уж не знаю, сам ли он догадался или его научило глубинное американское государство («deep state»), но он очень правильно вычленил проблемы своего оппонента. Во-первых, у Владимира Путина были не блестящие отношения с демократической администрацией Билла Клинтона. Это было связано с тем, что в 1999 году, когда Борис Ельцин объявил Владимира Путина преемником — а тогда ведь не было никакой уверенности, что Путин станет президентом — тогда, в августе 1999, еще никто не знал, насколько вдруг неожиданно и бурно

вырастет популярность этого дотоле малоизвестного ельцинского чиновника, и была вероятность, что президентом станет Евгений Примаков. И вот безусловно, администрация Клинтона сделала ставку на Примакова и хотела, чтобы он стал российским президентом несмотря на то, что Евгений Максимович был немолод и советск, он был абсолютно прозрачен и предсказуем для Вашингтона.

Это было понятно, с чем придётся иметь дело, и было совершенно понятно, что Примаков — который, всё-таки, во многом стал крупной политической фигурой благодаря Михаилу Горбачёву (вина Михаила Горбачёва) — если и пойдёт на конфронтацию с Соединёнными Штатами, то в очень ограниченном объёме. И он, так сказать, зарываться в этом не будет, завышенных амбиций у него не будет, что он смотрит трезво и реалистично на ситуацию в мире, какие бы идеологические послылы он не направлял («Urbi et Orbi»).

Я прекрасно помню, что в 1996 я сам, будучи еще мальчишкой, стал неожиданным свидетелем разговора Евгения Примакова, тогда министра иностранных дел, с одним из его близких друзей, когда он сказал, что он устал от навязанной ему роли господина "нет" такого Андрея Громыко, что он, так сказать, не в состоянии и, т.е. прекрасно понимает, что конкурировать с Америкой Россия в ее нынешнем состоянии никак не может и вообще что он бы лучше ушёл с поста министра и отправился бы послом в США.

То есть Примаков смотрел на вещи именно так: он никогда не стремился занимать те большие посты, и хотя сейчас его живописуют чуть ли не как идеолога конфронтации с Америкой, это, конечно, не так. Но Путин это поскольку человек мнительный и как добро, так и злопамятный, он запомнил, что Клинтон

поддерживал Примакова и, так сказать, поэтому между ними был определённый холодок, хотя, ещё раз подчёркиваю, холодок тогда не имел существенно такого уж гиперзначения, потому что внешнюю политику формировал далеко не только лично Путина, а уже перечисленные мною люди, для которых это не имело ни малейшего значения, которые, безусловно, были нацелены на удержание России в орбите американского влияния и на сотрудничество с Америкой в качестве младшего брата, поскольку ни в какой другой роли Россия, в силу ограниченности ресурсов, выступать не могла. И поэтому он рассчитывал на республиканскую администрацию.

Кроме того, сам Владимир Путин по психологии бизнесмен, крупный бизнесмен. Если говорить о его религиозности, то он типичный служитель культа маммоны, последователь маммонизма (как назвал это Томас Карлейль), скорее чем христианин. Поэтому для него был удобен Джордж Буш как бизнесмен тоже, как представитель тexasского нефтяного лобби — ему это понятно. Путин интересуется вопросами энергетического бизнеса и Буш тоже — значит, им легче найти общий язык. И Джордж Буш, я думаю, на саммите в Словении сыграл на этом, плюс ещё и на том, что для Владимира Путина очень актуальна проблема отца.

Я не знаю, как складывались отношения с его биологическим отцом — Владимиром Спиридоновичем, но очевидно, что он очень искал всегда отца, неформального отца в своей частной политической биографии. Поэтому с огромным трепетом он относился к своим виртуальным отцам, как бы отцам, и Анатолию Собчаку, мэру Санкт-Петербурга, и Борису Ельцину, который сделал его преемником.

Надо сказать, что здесь Ельцина интуиция не подвела: он назначил преемником человека, который в силу сыновьих чувств никогда не предаст семью которая привела его к власти. Да, пусть Путин существенно ограничил политико-бюрократическое влияние семьи Ельцина на рубеже 2003-2004 годов, но он никогда не покушался на их интересы и всегда соблюдал их, если к нему были адресованы какие то жизненно важные, системообразующие просьбы ельцинской семьи — он всегда их выполнял. И даже вот в минувшем году, когда исполнилось шестьдесят лет Татьяне Дьяченко, он лично поздравлял её у неё дома, тем самым показав, что, несмотря на непопулярность ельцинской семьи, а также частичное забвение, он совершенно не чужд своим давним обязательствам перед этими людьми.

Поэтому то, что Джордж Буш обволакивал Владимира Путина, говорил о том, что между ними установилось доверие, беспрецедентный уровень искренности. Это всё было правильно, хотя уже тогда были заострены вопросы, которые, конечно, не имели для Путина такого значения, как потом — это и договор о ПРО, выход США из договора по ПРО (противоракетной обороне) 1972 года, и расширение НАТО. Но тогда ещё, в общем, Путин был вполне лоялен американскому партнёру и готов был быть младшим братом.

Эта ситуация изменилась позже, в 2003 и 2004 годах, и, в том числе, из-за того, что он отчасти утратил доверие к Джорджу Бушу и посчитал, что вот это эффективное психологическое обволакивание — за ним не стоит реальной политики, а планы республиканской администрации, на самом деле, лежат несколько в другой плоскости.

ГРЕК: Вы упомянули о выходе из Договора об ограничении систем противоракетной обороны в 2001 году — как это приняли в Москве в качестве жеста? Многие из наших респондентов говорят, что тогда начали разрабатывать то самое сверхзвуковое оружие, которое сейчас два раза или три свистело над Украиной?

БЕЛКОВСКИЙ: Да, я думаю, так оно и есть, но это близко к истине потому, что Владимир Путин был травмирован тем, что США не воспринимают его в качестве партнёра, пусть и младшего, и что они действуют по своему усмотрению, не сообразуясь с пожеланиями или, как потом стало принято говорить, «озабоченностями» российского партнёра. Потому что мы понимаем, что философия Договора по ПРО состоит в том, что если территории стран-участниц Договора не защищены от ядерного оружия, это качество уменьшает вероятность применения такового. Поэтому Владимир Путин не хотел как-то выйти из американоцентричного мира — это желание возникло у него значительно значительно позже, а именно в начале 2014 года.

Он хотел занять какое-то своё достойное место в американоцентричном мире — пусть далеко нерешающее, и получить свою сферу влияния, как бы свою комнату в этой коммунальной квартире — комнату уютную и тёплую и такую, чтоб в эту комнату к нему не заходили, потому что только это было бы гарантией его полной безопасности а он, так сказать, вопросы безопасности для него были приоритетными всегда — и в личном плане, и в деловом, и в государственном. Тем более, что чем дальше, тем больше она отождествляла себя с Россией, а Россию с собой — значит, безопасность его лично это есть безопасность России, и наоборот.

И он же тогда предлагал, в том числе на встрече в замке Бордо в Словении, совместно создавать совместную систему ПРО. Уже тогда военные эксперты говорили, что этого не может быть никогда, потому что и в силу несовместимости технологий, и систем передачи данных, и что тогда США и Россия должны раскрыть друг другу какие-то страшные военные пленительные тайны, если они создают совместную систему ПРО, что, в принципе, следующий шаг только создание общего государства.

Но, тем не менее, Путин этого хотел, и хотел искренне, и то, что кто-то камень положил в его протянутую руку — это было первым ударом по доверию с его стороны к республиканской администрации, это ему не понравилось. Следующим шагом было расширение НАТО, ну и, конечно, ключевую роль в том, что отношения испортились, сыграл сначала провал Приднестровского урегулирования в 2003 года, а потом, разумеется, самое страшное для него — это Оранжевая революция в Украине в 2004 году.

ГРЕК: Да, перед тем, как перейти к Оранжевой революции, я хотел уточнить ещё момент по поводу того, как повлияли теракты 11 сентября и операция США в Афганистане на подход Москвы к Вашингтону?

БЕЛКОВСКИЙ: На этой стадии Путин еще полностью поддерживает США и Джорджа Буша. Он поддерживает операцию в Афганистане, он предоставляет свою территорию, как мы помним, для размещения центра НАТО в Поволжье, так сказать, транзит грузов в Афганистан осуществляется через российскую территорию в то время. Путин публично заявляет и непублично действует в духе того, что для него опасен именно терроризм, исходящий с территории Афганистана и

сопредельных земель, а вовсе не сотрудничество с США, то есть общий враг. Тогда ещё идея общего врага поддерживается вторжением в Афганистан. Когда, собственно, Северный Альянс поспешно взял Кабул и Джордж Буш на пресс-конференции — кажется, это было позже, после терактов 11 сентября, уже на следующей встрече, больше не смог сразу ответить на вопрос, зачем нужно было так быстро входить в Кабул, Путин его фактически выручил. Сказал журналистам, что не было никакой поспешности во взятии Кабула, просто Кабул был оставлен, в нём не осталось власти, просто его необходимо было взять под контроль, никакой поспешности здесь не было. Здесь ещё всё в порядке, и 11 сентября, как мы знаем, Путин первый, так сказать, выражает соболезнования Джорджу Бушу и выступает с публичным заявлением, в котором не оставляет сомнений, что Россия надёжнейший и дружественнейший партнер США. Разногласия начнутся позже.

ГРЕК: Да, и переходя к главным разногласиям, которые, видимо, приведут к тотальному изменению России, скажем так, в итоге, то есть переходя к теме Украины я хотел бы сначала попросить вас немножко рассказать о своём опыте и опыте работы в Украине и, так скажем, ваших личных отношениях с этой страной.

БЕЛКОВСКИЙ: Эти отношения глубокие, многообразные, эшелонированные. Я впервые бывал в Украине еще в детстве и юности, но тогда это было еще при советской власти, это все было другое, я не был профессионалом. В профессиональном качестве я прибыл туда в июне 2004 года по просьбе нескольких крупных российских бизнесменов во главе с Борисом Березовским, которые изучали возможности инвестиций в украинскую политику.

Тогда я должен был как аналитик дать ответ на вопрос, возможна ли победа Виктора Ющенко на президентских выборах в октябре-ноябре того же года. Я достаточно быстро пришёл к двухчастному выводу. Первая часть победы Виктора Ющенко возможно только путём революции, потому что все события развиваются так, что Виктор Янукович будет официально провозглашён президентом при любом раскладе — ставка на это делается сто процентная и украинской властью, и российским партнёром в лице Владимира Путина и его команды.

А, с другой стороны, революция возможна, она не является нереальным сценарием. В общем, по большому счёту, это был мой главный вклад в революционные события того года, потому что я не могу сказать, что я играл какую-то существенную роль в организации революционных процессов — нет, но как аналитик и психолог там — на вторых, третьих ролях, — я проявил себя, на мой взгляд, достаточно продуктивно. Мне не стыдно за то, что я тогда делал, и, надо сказать, что ещё только влюблялись в Украину, ещё не отождествляя себя с ней никак, я исходил из интересов России, моей страны. Я считал, что победа Виктора Ющенко Украине, победа вообще национал-демократических сил, она поспособствует и демократизации России и тому, что поднимут голову и в России национал-демократические силы, которым я всячески сочувствовал и сопереживал.

В итоге это оказалось не так: Россия идет пока совершенно другим путем, но у меня сложились свои отношения с Украиной, и, хотя я и не стал гражданином Украины и уже не собираюсь им быть, но конечно, для меня это любовь, боль, и система переживания, особенно сейчас, когда я остаюсь гражданином России, а

страна, гражданином которой я являюсь, последовательно уничтожает Украину в самом прямом и полном смысле этого слова.

ГРЕК: Одно уточнение: вы сказали, политические инвестиции в Украину со стороны Березовского. Какой должен был быть результат этих инвестиций, для чего они делались?

БЕЛКОВСКИЙ: Ну, там был не только Березовский, но ещё несколько его партнёров, которых я не хочу называть чтобы их не подставить, поскольку сейчас, так сказать, уже точно нельзя. Правда, некоторых из них уже нет в живых, но некоторые есть, и, так сказать, я не хочу ни беречь кости умерших, ни создавать проблемы ныне живущим. Березовский и его партнёры непосредственно вложили около 40 миллионов долларов в Оранжевую революцию, предвыборную кампанию Виктор Ющенко — косвенно, в основном. Это не значит, что Ющенко или Юлия Тимошенко получали эти деньги непосредственно — нет, этим оплачивались определенные расходы. Целью была победа Виктора Ющенко и установление с ним сотрудничества как в бизнес смысле, так и в политическом смысле с целью влияния, в первую очередь, на ситуацию в России.

Именно так трактовались желательные результаты Оранжевой революции. Это не получилось, сотрудничество не сложилось, в первую очередь, потому что победители Оранжевой революции поспешили забыть о своих обязательствах перед этим пулом спонсоров. Опять же, можно очень долго об этом рассуждать, но это будет разговор не о Джордже Буше, а об украинской политике, а у нас сейчас другая тема.

ГРЕК: Как Кремль отнёсся к "цветным революциям" в общем — в Грузии, в Украине, в Кыргызстане? Что было это для Кремля как феномен?

БЕЛКОВСКИЙ: Это была система американских заговоров с целью установления прямого влияния на постсоветском пространстве, исключение России как игрока. Я сейчас говорю о трактовке Владимира Путина, а не своей. В моей трактовке Путин категорически не способен к мягкой силе и её реализации, поэтому в этом смысле он был выгоден так или иначе Америке, поскольку Америка была и остаётся способной к мягкой силе и Путин не понимает, что влияние это, в первую очередь, экспорт образцов — политических, интеллектуальных, технологических, социальных, каких угодно. Он считает, что влияние это или военная сила, или коррупция. С коррупцией в постсоветских странах действительно хорошо всегда было — то есть плохо, ну а вот военные силы, так сказать, разочаровавшись полностью в идее влиять на Украину с помощью мягкой силы, Путин дважды применил жестко: в 2014 и 2022 годах. Вернее, на всём этом протяжении, поскольку, на мой взгляд, с весны 2014 года идёт одна большая война и в нынешнем году мы лишь наблюдаем ее кульминацию, но ничего качественно нового не случилось. И поэтому и с Грузией, так сказать, Путин отнёсся к этому.

Параллельно же ещё был провал Приднестровского урегулирования, о котором многие забывают и который сыграл существенную роль в том, что Путин стал гораздо меньше доверять Соединённым Штатам и республиканской администрации, потому что Путин подготовил план Приднестровского урегулирования, так называемый "план Козака", по имени Дмитрия Козака, тогда заместитель руководителя Администрации Президента России, который разработал

его. Это был план создания симметричной федерации при сохранении Россией ключевых очагов влияния на единое государство и сохранение военной базы на территории объединенной Молдовы.

Этот план пользовался до определённого момента поддержкой и президента Приднестровья Владимира Воронина, тогдашнего представителя коммунистической партии Молдовы, и лидера непризнанного Приднестровья Игоря Смирнова. Но, по мнению Путина, в последний момент этот план был сорван из-за интриг США, ну и также интриг Евросоюза, но Евросоюза, скорее, с американской подачи, поскольку уже тогда Путин считал, что Европа не играет полностью самостоятельной роли, а является придатком США, и с каждым годом эта ситуация в его сознании лишь усугубляется, особенно сейчас. Вот поэтому он затаил, как сказал Михаил Зощенко, "затаил грубость в душе". Это ему не понравилось, тем более, это было сделано в унижительный на самом деле для него форме, потому что уже была назначена дата подписания соответствующего соглашения в Кишинёве, уже вылетел в Кишинёв передовой самолет, «борт передовой», так называемый, с охраной, почетным караулом и журналистами на борту. А вот борт самого Путина туда не вылетел, потому что в последние минуты, буквально часы, перед подписанием церемония была отменена.

Потом там была достаточно подозрительная революция в Грузии, причем здесь ещё во многом сказалось категорическое несовпадение психотипов и темпераментов Путина и Михаила Саакашвили. Михаил Саакашвили ярко выраженный «steroid человек», талантливый, публичный политик, который всегда хочет находиться в гуще событий, центре внимания и привлекать это внимание к

себе. Путин — типичный эпилептоид: замкнутый, закрытый, интровертный, боящийся публичности, склонный решать все вопросы только с закрытыми дверями и без утечек информации. Поэтому они друг другу с самого начала не понравились и это тоже сыграло свою роль даже в ретроспективной оценке Владимиром Путиным революции в Грузии: с каждым месяцем и годом он убеждался, что, конечно, это американские элементы американского заговора против него.

Ну а Украина была и вовсе большим ударом, потому что Путин был совершенно убеждён — я не знаю, о чем они говорили с Джорджем Бушем на эту тему, но, судя по всему, Путин считал — что США не вмешаются и не помешают Виктору Януковичу стать президентом Украины. У него были какие-то основания так считать. А потом они и не вмешивались — США, я же видел это своими глазами: сначала возникла революция, и только когда победа революции стала более чем очевидной, тогда США её поддержали, не в обратной последовательности. Но Путин считает ровно обратное: что организовали революцию США, чтобы лишить его, Путина, влияния на Украину. И, конечно, вот это было решающим моментом в оценке российским президентом и Джорджа Буша, и американо-российских отношений в целом.

ГРЕК: То есть если мы возьмём такие некоторые веса и начнём класть на них факторы — давайте возьмём внутренний фактор, который привёл к революции, фактор интересов, например, группа, которую вы представляли, и какие-то американские интересы — как бы вы выстроили вот эту цепочку чтобы получить картину участия и России, и Америки и, собственно говоря, украинцев?

БЕЛКОВСКИЙ: Если мы оцениваем вклад тех или иных факторов и вес их в победе Оранжевой революции и Виктора Ющенко на президентских выборах, то внутренний фактор — 70 процентов, США — 25 процентов, всё остальное — 5 процентов.

ГРЕК: Наши респонденты часто упоминают, что вопрос отношений с Украиной находился в ведении Отдела внутренней политики Администрации Путина, а не внешней политики.

БЕЛКОВСКИЙ: Это не совсем так. Он находился в ведении всей Администрации, и непосредственно менеджером украинского вопроса, было два менеджера: один близкий доверенный менеджер Владимира Путина – это руководитель его Администрации Александр Волошин, он занимался Украиной и нельзя сказать, что он отвечал за внутреннюю политику — он отвечал за всю политику и был, по-своему, вице президентом при Путине, причём, как и Дик Чейни при Джордже Буше, влиятельным вице-президентом — по некоторым вопросам более важной фигурой, чем сам президент. Этим занимался, естественно, и внутривластный блок во главе с Владиславом Сурковым, этим занимался и посол в Украине и спецпредставитель президента по Украине Виктор Черномырдин, бывший премьер-министр. Этот человек не был доверенным лицом Владимира Путина и, скорее, Путин его ценил за статус, за опыт и за возможность поддерживать доверительные коммуникации с тогдашним украинским президентом Леонидом Кучмой.

ГРЕК: То есть продолжая аргумент наших предыдущих респондентов в данном случае, когда неверно будет говорить то, что когда США появились на поле украинской

политики, то Кремль это воспринял, даже административно, как вмешательство во внутренние дела?

БЕЛКОВСКИЙ: Нет, Кремль считал, что Украина принадлежит ему по праву, не Кремль, а лично Владимир Путин. В этом немалую роль сыграл близкий друг Владимира Путина и его родственник Виктор Медведчук, который в 2002 году стал руководителем администрации президента Леонида Кучмы. Сначала Медведчук проводил политическую реформу, которая должна была трансформировать Украину в парламентскую республику, в которой Леониду Кучме отводилась роль премьер-министра. Эта реформа провалилась, во многом, из-за одиозности самого Медведчука, которого не поддержала значительная часть «прокучмистских» элит Украины. То есть если бы не Медведчук, а кто-то другой продвигал эту политическую реформу, возможно, она бы удалась.

Тогда была сделана ставка на Виктора Януковича, поскольку Медведчук убедил Путина в том, что, во-первых, это единственный способ заключить альянс с донецким кланом, олицетворяемым Ринатом Ахметовым, и предотвратить намечавшийся в то время альянс донецких с Виктором Ющенко — этот альянс действительно намечался и был сорван в результате. Потом Ринат Ахметов подружился с Ющенко, но Ахметов дружил со всеми действующими президентами Украины — этой способности у него не отнимешь. И Виктор Янукович, по мнению Медведчука, как человек дважды судимый и точно неприемлемый для Запада будет уже в силу этого обстоятельства и всей этой системы обстоятельств зависим от Москвы. Это была ошибка потому, что она недооценивала, опять же, цинизм в международной политике и, в конце концов, у кого сколько судимостей и кто лучше

пахнет не так важно, когда речь идёт о существенных — "субстантивных", как любит говорить Путин — интересах. Янукович тоже долго лавировал, хотел быть своим для Запада, для России, но все это лавирование закончилось революцией Достоинства и его бегством из Украины, в конечном счете.

Вот поэтому тут еще большую роль играл Медведчук, который, де факто, был тоже представителем Путина в Украине, хотя номинально был украинским политиком и администратором. После перелома и Оранжевой революции в Украине обострился дискурс касательно свободы слова и коммерческих организаций в России и прочего — то, что стало принято считать Кремлём "пятой колонной".

ГРЕК: В мае 2005 года на одном из последних праздновании Дня Победы, где Россия могла собирать и Восток, и Запад вместе, президент Буш встретился с диссидентами и представителями российских некоммерческих организаций, где он поддержал их, соответственно, и критиковал проблему со свободой слова и прочими вещами, которые Путин начал уже тогда закручивать. Как вы думаете, что это было и как к этому отнесся Кремль? Было ли это важным событием?

БЕЛКОВСКИЙ: Это было негативным для Кремля, но не важным событием, поскольку Кремль воспринял это как ритуальные действия и не более. Он не считал, что США таким образом на что-то всерьёз могут повлиять. Но после украинской революции, после Оранжевой революции, естественно, в воспалённом воображении Владимира Путина уже рисовались картины, что влив несколько миллиардов долларов в оппозиционные круги и структуры, США могут захватить в России власть. Этот призрак его преследовал — ещё после грузинской революции не очень преследовал, а вот после 2004 года преследовал очень сильно и достиг кульминации во время

Арабской весны, когда, собственно, Путин решил убрать Медведева, Дмитрия Анатольевича Медведева, и вернуться в Кремль и править долго и несчастливо.

ГРЕК: А почему США не удалось убедить Путина поддержать вторжение в Ирак в 2006?

Хотя, казалось бы, жесткая политика, некоторое его место в западной коалиции, война, в конце концов, казалось бы, подходили к воображению внешнего курса России?

БЕЛКОВСКИЙ: Ну, не в 2006, а в 2003, всё-таки было вторжение в Ирак. Владимир Путин оценивал это для себя примерно так же, как Оливер Стоун фильме "W", если вы его смотрели, что никакой необходимости во вторжении в Ирак нет, а просто Джордж Буш младший хочет в чём-то превзойти своего отца Джорджа Буша старшего и страдает от того, что отец больше ценил Джеба Буша, чем Джорджа. И нужно было показать, что Джордж достоин своего отца, и вот отец не довёл до конца уничтожения Саддама Хусейна — хотя, на мой взгляд, это было абсолютно правильное решение не доводить до его уничтожения, вот, а он доведёт.

Это так Путин считал. Кроме того он видел, что Германия и Франция против операции в Ираке, и он хотел вбить клин между Европой и Америкой и, так сказать, на этом сыграть. И тяготел к такому углублённому альянсу с Германией и Францией, со старой Европой. Это был второй мотив.

ГРЕК: Одним из ключевых моментов в отношении Путина и России в целом и западного мира была Мюнхенская речь в феврале 2007 года, на которой Путин подверг критике Соединённые Штаты как «дестабилизирующую державу, пренебрегающую основными принципами международного права». Наши респонденты в США сказали, что он «overreacted» и что были выходы, были пути переговоров по

основным проблемам, такие как ПРО, Ирак и расширение НАТО, на тот момент. В то же самое время наши респонденты из России говорят, что это был полный институциональный тупик, который разрешился вот таким личным обращением Путина к Западу. Собственно говоря, как вы отреагировали на то выступление и что, по вашему, пытался сделать Путин и в чём была причина — институциональный тупик или личный подход Путина к вещам?

БЕЛКОВСКИЙ: Личный подход Путина к вещам. Путин претерпел много обид к этому моменту от Соединённых Штатов, мы все их уже перечислили: это выход из договора по ПРО, это расширение НАТО. Хотя Путин тогда, в те годы, в начале нулевых, не относился к нему так болезненно, как потом. Потом, мне кажется, он себя накрутил и его реакция стала гипертрофированной на это — ну всё равно, с Россией никто не советуется. Потом череда цветных революций, которым предшествовал срыв Приднестровского урегулирования, и так далее.

И, как казалось Путину, прямая поддержка антироссийских режимов на постсоветском пространстве, что не соответствовало интенции Путина дружить с Соединёнными Штатами и стать пусть не ключевой, но важной силой внутри американоцентричного мира. Поэтому общий пафос в Мюнхенской речи сводился к тому, что вы не хотите с нами дружить, а мы хотим. Но, знаете, что вот это состояние не может длиться вечно, и что если вы-таки не захотите с нами дружить, то хорошо, мы с вами не будем дружить, а будем находить свои собственные изоляционистские сепаратистские решения, что, в конечном счёте, и случилось, но случилось через семь лет.

Ещё все эти ещё семь лет Путин добивался, проводил спецоперацию по принуждению США к любви, и когда она окончательно провалилась, а в его сознании она провалилась окончательно с революцией Достоинства 2013-2014 годов в Украине, тогда все. Спецоперация по принуждению к любви закончилась, началась Четвёртая мировая, как я считаю, гибридная война. Почему Четвёртая — потому, что Третьей я считаю Холодную войну, которая была в чистом виде глобальным конфликтом, в том числе и с военным измерением, просто не в Европе. А поскольку у нас сознание европоцентрично, это мы не признаём большой войной ничего, что не затрагивает непосредственно Европу. Боевые действия между США и СССР в разных регионах мира фактически были на всём протяжении Холодной войны в самой горячей фазе.

Поэтому это ещё не было объявлением войны, это было предупреждение, не последнее путинское предупреждение. Именно так я к этому и отнёсся и тогда я публиковал статьи, в которых говорил, что Путин хочет любви Запада, но он напоминает о том, что это не может быть любовь на любых условиях и что, как сказал классик, любовь должна быть обоюдной.

ГРЕК: Сейчас нам очень важно понимать роль российских элит в процессах и поэтому я задаю вопрос этот относительно Мюнхенской речи: как вы думаете, какая была реакция российских элит? Они уже тогда это поддерживали или они испугались?

БЕЛКОВСКИЙ: Нет, никакой существенной реакции не было. Российские элиты по-прежнему считали, что большого столкновения между Россией и США не будет. Что все это психологические проблемы и комплексы Путина, но сам Путин запугивает Запад сильнее, чем думает об этом. Что «business as usual» останется, так думали

российские элиты, на неопределённый срок. И до 2014 года это было правда, с 2014 года это стало прямо противоречить ходу событий.

ГРЕК: Путин и Буш часто обменивались личными визитами. В частности, Путин в 2001 году ездил в семейную резиденцию Буша в штате [Техас], в 2007 году он также посещал Буша [в штате Мэн]. Вы писали, что личные приглашения Буша были некоторым крючком, на которые президент США ловил Путина.

БЕЛКОВСКИЙ: Да, конечно. Потому что Джордж Буш, начиная со встречи в замке Бордо в Словении, всячески эксплуатировал тему отца, что он же старший товарищ по возрасту, хоть и ненамного, конечно — на семь лет старше Владимира Путина — но тем не менее. Но он старший по политическому весу и положению в мире, и поэтому он вот продолжал политику «обволакивания» абсолютно правильно. Это относилось и к встрече их на ранчо в Техасе (Crawford), и на океанской резиденции Бушей в штате Мэн, которая, как говорят, была филиалом западного крыла Белого дома в президентство Буша-отца. И там вот, собственно — насколько я понимаю — Владимир Путин рассказывал Джорджу Бушу, что он таки собирается уходить от власти в 2008 году и назвал возможную кандидатуру своего преемника, чем порадовал американского контрагента, поскольку ясно, что Дмитрий Медведев воспринимался как знамя примирения с Западом. Собственно, сам факт назначения преемником Медведева уже говорил о том, что Мюнхенская речь не была необратимым объявлением войны Западу — нет, конечно.

ГРЕК: Но, тем не менее, приходит Медведев к власти и начинается, наверное, одно из самых сильных военных обострений, начиная с 1991 года в отношениях России и

США. Я имею ввиду войну с Грузией. Как бы вы описали вот этот процесс перехода и начало обострения?

БЕЛКОВСКИЙ: Кто бы что ни говорил, всему миру было очевидно, что эту войну начал Михаил Саакашвили, а не Россия. То есть потом это всё вуалировалось, так сказать, оборачивалось во всякие версии, что Россия спровоцировала войну специально, чтобы разгромить Саакашвили. На мой взгляд нет.

Михаил Саакашвили, опьяненный несколько своими последовательными успехами — действительно большими успехами и в интеграции Аджарии сначала в состав Грузии, и в плане реформ, которые действительно оказались столь же успешными, сколь и эффектными — ему удалось создать витрину грузинской демократии, безусловно, очень яркую и сверкающую, особенно подавив коррупцию, которая казалась неискоренимой в Грузии на момент прихода Михаила Саакашвили к власти. Потом навернулась во многом, но тогда, в период правления Саакашвили, действительно была минимизирована в очень значительной степени.

Да, он нагрешил, тоже методом блицкрига взять под контроль Южную Осетию, которая была его канонической территорией — ну то есть, грубо говоря, сделать то же, что сделал Азербайджан с Карабахом осенью 2020 года. У Азербайджана это получилось, а у Саакашвили нет. Тогда регулярные российские войска оказались эффективны и 58-ая армия, в общем, прогнала грузинские войска. Но при этом Запад же реагировал на это очень сдержанно. Был визит Никола Саркози в Москву, где они с Дмитрием Медведевым договорились о том, что всё будет хорошо, что никаких не будет ни санкций, ни решительного осуждения действий Москвы, поэтому, кажется, и Дмитрий Медведев, и Владимир Путин

восприняли это как нормальный шаг в направлении как раз размежевания интересов, но и концептуального сближения с Западом.

Проигравшим оказался именно Михаил Саакашвили, что, в конечном счёте, и стоило ему президентского поста. Но, насколько я понимаю, уже тогда республиканская администрация была не очень благосклонна к грузинскому лидеру, которого она считала слишком эксцентричным и трудно предсказуемым, несмотря на то что, безусловно, он следовал в фарватере американских интересов, но и интересов общедемократических, но так сказать он был слишком самостоятельным в этом смысле, слишком перпендикулярен системе. Он был во многом внесистемным игроком, за что и поплатился с точки зрения не только России, но и западных элит.

ГРЕК: Война в Грузии тесно связана с саммитом НАТО в Бухаресте и я хочу вам задать такой комплексный вопрос. Джордж Буш посетил Россию семь раз — больше, чем любой другой президент, и мы уже примерно понимаем, почему, из ваших объяснений. И в дополнение к уже обсуждённым нами визитами, он посетил в 2008 году он посетил Киев, затем саммит НАТО в Бухаресте, а затем приехал к Путину и Медведеву в Сочи. Из этого мы знаем про саммит НАТО, что там было главным обсуждением это включение или не включение Грузии и Украины, присоединение к НАТО, что очень больно сыграло по эмоциям и восприятиям и Путина, и Кремля в целом. Вы можете объяснить этот процесс, который происходил в 2008 году, вместе совместив политику Америки в отношении Украины и Грузии и личных отношений Буша и Путина?

БЕЛКОВСКИЙ: Эти отношения оставались достаточно теплыми до самого конца по уже всем названным причинам. То есть, скажем, у Путина с Бараком Обамой отношения сразу не сложились, всегда были очень прохладными, а с Джорджем Бушем нет — в принципе, они оставались относительно нормальными и конструктивными до самого конца. Но, вместе с тем, Путин уже не верил в Америке в целом и Бушу в частности, и, конечно, он очень болезненно воспринял попытку интеграции в НАТО Украины и Грузии, он был категорически против — собственно, как остаётся и по сей день. Тогда Германия и Франция заблокировали этот процесс, поэтому Путин не очень сильно переживал, но эмоционально сорвался на Джорджа Буша и говорил, что Украина — это фейковое государство и о чем вообще говорить. И тогда же впервые прозвучали угрозы изменить карту Украины, если США будут тянуть ее в НАТО.

ГРЕК: Как вы думаете, администрация Буша сумела прочесть Путина как личность и как политического лидера? И, в то же самое время, как вы думаете, насколько верно Кремль оценивал Буша?

БЕЛКОВСКИЙ: Я считаю, что в принципе Соединенные Штаты, не только администрации Буша, но и Америка в целом после распада Советского Союза неправильно оценила результаты своей победы в Холодной войне, потому что постоянно навязывать России роль проигравшего это было неправильно. Отчасти в этом виновата сама Россия, которая объявила себя правопреемником Советского Союза не только формальным, но и фактическим. Если бы Россия покаялась за коммунизм и отреклась от советского наследия, тогда ей не пришлось бы считать себя наследницей поражения в Холодной войне и постоянно с упорством, достойным

лучшего применения, это отрицать, дескать, не было никакого поражения в Холодной войне. Лучше было признать, что да, Советский Союз проиграл, но мы не Советский Союз, мы Россия, которая начинает с чистого листа, поэтому нас это не касается. Но и Америка не пошла навстречу России в этом вопросе, она не прижала Россию к любящей груди.

Именно поэтому, собственно, в России накопились энергии resentment которые, в конечном счете, и привели к власти Владимира Путина, не обязательно его как физическое лицо, но политика такого типа и так в такой нише. Именно такой человек должен был стать преемником Бориса Ельцина в ситуации, когда значительная часть российского народа была преисполнена жадой реванша за распад Советского Союза и тяжелые времена девяностых годов двадцатого века. Поэтому сегодня мы пожинаем плоды всех этих совместных взаимных ошибок.

ГРЕК: Перед тем, как я вам задам заключительный концептуальный вопрос, вы хотели бы, может быть, акцентировать внимание на каком-то ещё моменте отношений России и США, который мы могли упустить в вопросах и который мог бы быть полезен для нашего понимания процесса?

БЕЛКОВСКИЙ: Моё дело, в данном случае, отвечать на вопросы, а не ставить их, поэтому я предлагаю перейти к завершающей концептуальной фразе.

ГРЕК: Хорошо. Существует ли в российско-американских отношениях фундаментальные принципы и интересы, которые не позволяют достичь дружеских отношений между странами, даже когда есть какие-то отношения между президентами и личностями и как бы вы оценили — можем ли мы анализировать (я думаю, что вы скажете да, и я скорее даже попрошу объяснить почему) — мы можем анализировать отношения

между странами смотря на личности, например, а не на институты и на процессы, как говорят нам теории международных отношений?

БЕЛКОВСКИЙ: Американская политика является институциональной, российская — нет, вот уже поэтому делать избыточную ставку на институциональный подход здесь мы не можем. Российский режим становился с каждым годом всё более персоналистским режимом Путина и та программа саморазрушения и разрушения Российской Федерации как части американоцентричного мира, который он активировал в 2014 году и который подробно описан в моём цикле статей «Путин и довольно нервно», опубликованном в начале 2016 — пользуясь случаем, адресую вас и нашу аудиторию к этому циклу — отражала личные приоритеты и психологические установки российского лидера, остановить реализацию которых было невозможно. Естественно, у России с США есть много общих интересов — я считаю, что со временем, когда закончится спецоперация, это закончится, безусловно, поражением России, когда Россия обновится и перейдёт от ресентимента к покаянию, что тоже случится в ближайшие годы, пусть и не слишком быстро, но и не слишком долго нам осталось этого момента ждать, может быть заложен фундамент для совершенно новых отношений.

Я не сторонник точки зрения, что русские всегда будут империалистами, упырями и сволочами — нет, ничего подобного. То же самое можно было сказать про немцев в 1945 году или про японцев, но мы же знаем, что это не так. Что в жизни нации бывают критические периоды, которые надо пережить и открыть себя для возрождения, что сделали многие нации, вынужденные вкусить горькие плоды своих поражений и ошибок. И на русских не стоит никакого проклятия, русский

человек вообще всегда хочет быть европейцем, оставшись при этом русским, это его главное и бессознательное желание. Если открыть этому ворота и двери, открыть объятия все те же, которые оказались слишком тесными и неудобными для России ещё в девяностые годы после завершения Холодной войны, если перейти от архитектуры ялтинско-потсдамского мира и устаревших его институтов, к числу которых относятся и НАТО, и ООН, и заменить их на некую то, как я вижу, концепцию авраамического единства, единства стран с авраамическими монотеистическими религиями как доминирующими (христианством, исламом и иудаизмом), то вот можно построить конфигурацию, которая будет интегрировать Россию как конструктивного партнёра и контрибьютера общей системы безопасности. Это не случится при Путине, а после него, но это может случиться. Но это требует от Америки переосмысления своих подходов и не стремление окончательно раздавить Россию и обнести ее железным забором, а всё-таки понимать, что через несколько лет придётся снова иметь дело с Россией — в какой форме и в каком формате неважно, но это придётся делать и лучше концепцию этого разработать уже сейчас.